

Ван Даху оставался там до двух часов дня, затем, предполагая, что дома скоро будут обедать, передал принесенные вещи Ли Цинжаню и, оставив угрозу:

— Если не возьмешь, я больше не приду!

на которую тот никогда бы не решился, с сожалением ушел под лучистым взглядом друга.

Вернувшись домой, он увидел, что на низком столике уже стоит обильный ужин.

Но его внимание не задержалось на еде, потому что все его мысли были заняты двумя людьми, сидевшими за столом.

Это были два мужчины.

Один был женоподобным, с милovidными чертами лица, кудрявыми волосами и большими невинными глазами, напоминая чихуахуа.

Другой был высоким и статным, одетым в черный китайский костюм, и его присутствие излучало властность.

Ван Даху прищурился и, словно пухлый комочек, бросился к изящному мужчине:

— Дядя, я так по тебе скучал!

Ван Яоцзу, которому было чуть больше двадцати, покраснел от умиления.

Остальные, видя, как близки дядя и племянник, рассмеялись.

Ван Даху, уютно устроившись на руках у дяди, украдкой посмотрел в сторону. Как и ожидалось, брови мужчины начали сходиться. Увидев это, он внутренне ликовал и, чтобы подразнить его, несколько раз поцеловал Ван Яоцзу в щеку.

— Кхм, кхм... — Мужчина слегка кашлянул и с «добродушной» улыбкой спросил. — Ты, наверное, тот самый Даху, о котором так часто говорит Ацзу?

Ван Даху моргнул, обнял дядю за шею и с любопытством спросил:

— Дядя, а ты кто?

— Это твой дядя Лун, — Ван Яоцзу поспешил представиться. — Мой хороший друг!

— О-о-о-о... — Ван Даху протянул, явно намекая на что-то. — Хороший друг, говоришь?

Лун Имин слегка прищурился. Почему-то ему казалось, что этот «простоватый» малыш словно говорил:

«Не ври, я не верю, что вы просто друзья».

— Вот, — мысль промелькнула мгновенно, и Лун Имин достал из кармана красный конверт.

Ван Даху поднял глаза и вопросительно посмотрел на мать.

— Это тебе от дяди Луна! Возьми! — Не дав никому сказать слова, Ван Яоцзу с улыбкой погладил племянника по голове.

— Спасибо, дядя Лун, желаю вам счастливого Нового года, удачи и исполнения всех желаний!
— Получив конверт, Ван Даху по толщине сразу понял, что там. Поэтому его поздравления звучали искренне, а на круглом личике расцвела улыбка. Конечно, мать Ван Даху попыталась отказать, но подарок был сделан от души, и Ван Даху «с неохотой» принял его. Говорят, что этот щедрый дядя Лун был «хорошим другом» Ван Яоцзу. Он рано потерял родителей, не был женат, и в такой семейный праздник ему было одиноко, поэтому Ван Яоцзу пригласил его.

Семья Ван всегда была гостеприимной, а узнав, что Лун Имин много помогал Ван Яоцзу, они стали относиться к нему еще теплее.

Ван Даху, потягивая напиток за пять центов из стеклянного стакана, смотрел, как его отец и Лун Имин поднимают тосты, и с ухмылкой подумал:

«Радуйтесь! Если бы вы знали, что он задумал, вряд ли бы так веселились».

Но, учитывая красный конверт в его кармане, он решил пока не раскрывать истинные намерения Луна.

Обильный новогодний ужин длился более трех часов.

Ван Даху, уставший от взрослых разговоров, поскорее ушел в свою комнату.

— Вот это да, богачи! — Увидев десять новых сотенных купюр, Ван Даху свистнул.

В то время тысяча юаней равнялась более чем месячному доходу его родителей.

С улыбкой пересчитав деньги несколько раз, он быстро достал пять купюр и спрятал их в шкафу.

Едва он закончил, как в комнату вошла мать. Не дав ей сказать ни слова, Ван Даху услужливо подал ей красный конверт. Мать, довольная «послушанием» сына, кивнула.

Увидев внутри пятьсот юаней, она удивилась.

— Почему господин Лун дал так много?

Хотя давать детям деньги на Новый год — это традиция, обычно это тридцать или пятьдесят юаней. Пятьсот — это слишком щедро.

— Мама, дядя Лун богатый, ему это не в тягость, — Ван Даху, притворно умоляя, сказал. — Не забирай все, оставь мне немного!

— Зачем тебе, ребенку, деньги? Это подарок, и я должна его вернуть, — Чжан Фан, спрятав деньги, посмотрела на жалобного сына и, поддавшись его «мокрым» глазам, смягчилась. — Ладно, вот, я уже приготовила тебе деньги на карманные расходы.

Ван Даху открыл конверт — тридцать юаней.

Мало, но лучше, чем ничего! С глазами, полными слез, он выглядел как жертва капиталистической эксплуатации.

Когда взрослые закончили ужин, на улице уже полностью стемнело. Под крышей дома висело восемь красных фонарей, освещая весь двор. Отец Ван Даху уже подготовил фейерверки и хлопушки.

Громкие хлопки, разноцветные огни и радостный смех людей, полных надежд на будущий год, заполнили ночное небо.

Чжао Чжунсян и Ни Пин в маленьком черно-белом телевизоре произносили новогодние поздравления. Ван Даху, уютно устроившись на руках у дяди, щелкал семечки и болтал ногами. В комнате уже собрались за столом для игры в маджонг, и бабушка, смеясь, раздавала указания. Как ей не смеяться? Ведь Лун Имин поддавался ей!

— Даху, хочешь апельсин? — с улыбкой спросил Ван Яоцзу.

— Если дядя почистит, то хочу!

— Этот ребенок только и знает, что командовать тобой, Ацзу, не слушай этого лентяя! — Чжан Фан, подняв голову от карт, слегка посмотрела на сына.

— Наш Даху не лентяй! — Ван Яоцзу с улыбкой быстро очистил апельсин и положил дольку в «открытый рот» племянника.

Ван Даху, подраживая, облизал его пальцы, и мужчина с «каменным» лицом наконец не выдержал и скривился.

— Даху больше всех любит дядю! Дядя, ты больше всех любишь Даху? — спросил Ван Даху.

Увидев, как племянник смотрит на него блестящими глазами, Ван Яоцзу без колебаний ответил:

— Конечно, больше всех люблю Даху!

— Ш-ш-ш... — раздалось за столом.

— Эй, Амин, ты же еще не готов выиграть! — воскликнул кто-то.

— ...Рука дрогнула, — пробормотал Лун Имин.

— Это считается обманом!

Ван Даху чуть не задохнулся от смеха, с наслаждением жуя апельсин.

«Сегодняшний апельсин просто восхитителен!»

Возможно, из-за чрезмерного возбуждения через несколько часов Ван Даху почувствовал усталость. Посмотрев на все еще оживленных взрослых, он сам устроился на кровати и заснул.

В полусне он подумал:

«Интересно, что сейчас делает Жаньжань?»

В полночь Ван Даху разбудили, чтобы он поел пельменей. Было два вида начинки: с сельдереем и мясом, и с луком и яйцом. В этот день он съел много, поэтому, съев пять пельменей, он отложил палочки.

После ужина все новогодние мероприятия завершились.

Ночь уже была глубокой, и всем пора было спать.

Ван Даху уложили в комнате бабушки и дедушки, родители спали в его комнате, а Лун Имин, как гость из города, боялся, что ему будет неудобно спать на кане, поэтому его уложили в другой комнате. Там стояла односпальная кровать, на которой обычно спал Ван Яоцзу.

— Дядя, ты спишь с нами? — с энтузиазмом предложил Ван Даху.

— Хорошо...

— Нет! — Лун Имин с «улыбкой» прервал его и, «улыбаясь», сказал Ван Яоцзу. — Если Даху спит там, тебе будет неудобно. Давай сегодня переночуем вместе!

<http://bllate.org/book/16441/1490694>